

А.А. Гусейнов

УДК 171.0

**Александр Зиновьев
о постсоветском социальном строе России**

Аннотация. Автор статьи анализирует основные мысли А.А.Зиновьева, касающиеся новой конфигурации и характера социального строя современной России, установившегося в ней после крушения социалистических общественных отношений и распада государства в начале 90-х годов XX века. В первой части рассмотрены основные положения социологической теории Зиновьева и его взгляды на общий ход исторических событий, во второй части – их преломление в конкретных российских событиях рассматриваемого периода. Как показано, Зиновьев исходит из убеждения, что социальный смысл произошедших событий в России не является частным случаем в рамках общей логики общественного развития в мире, а имеет эпохальный смысл, переворачивающий эту логику и возможный ход эволюционного развития человечества. Отсюда – общая социальная направленность этих событий, которая имеет преимущественно негативный характер и состоит не в установлении новых жизнеспособных форм жизни, а в разрушении господствовавших безотносительно к их эффективности и полезности. Поэтому постсоветизм Зиновьев считает основной тенденцией и общим обозначением складывающейся в России социальной организации, которая, в целом, имеет гибридный характер и состоит из трех компонентов: реальных обломков советской системы, заимствований из воображаемого Запада и реанимации призраков царской России. В данном случае, как это вообще свойственно Зиновьеву как мыслителю, пессимизм трезвого социологического анализа дополняется оптимизмом индивидуально ответственного этического действия.

Ключевые слова: Зиновьев А.А. Постсоветизм. Коммунизм как реальность. Западнизм. Российский фундаментализм. Гибридный социум.

Отмеченное нами в 2022-м году и поднятое Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина [5] на уровень общенационального события столетие со дня рождения А.А. Зиновьева совпало с кризисом, а возможно, и сменой европоориентированного вектора российской истории. И то, и другое превратило Зиновьева в одну из ключевых фигур нашей публичной жизни. Он оказался единственным русским мыслителем, который дал социологический анализ советского общества как реального коммунизма, раскрыл переход западных капиталистических государств на новую стадию сверхобщества, названного им западнизмом, предложил аргументированную версию

гибели советского коммунизма и советского государства как исторического предательства невиданных масштабов, а также успел наметить общую схему постсоветского социального устройства. В этих заметках хочу остановиться на суждениях Зиновьева по этому вопросу, отталкиваясь от самых общих положений его социологии и взглядов на ход истории на рубеже веков.

I

1. Решающим фактором, определившим жизненный путь Зиновьева, явилось совершенное им в довольно раннем (едва ли не в пионерском) возрасте открытие, согласно которому советское общество не соответствует тем прекрасным коммунистическим идеалам, которые оно настойчиво провозглашает. Это произошло не только вследствие его особых дарований и ментальных качеств, а прежде всего в силу очевидности самого факта. Разрыв идеала и реальности, ставший основным вызовом для Зиновьева как человека и мыслителя, оказывал озадачивающее воздействие на все послереволюционные поколения советских людей, в частности, был едва ли не главным мотивом, который склонял молодых людей к философским размышлениям, приводил на философский факультет. Философское дарование и социальное чутье Зиновьева заключались в том, что он не прошёл мимо этого разрыва и не дал ему пройти мимо него. Исследование природы этого разрыва и, самое главное, поиск своего места в реальном разломе между высоким идеалом и убогой действительностью он избрал в качестве осознанного основного направления своей жизни. Зиновьев в результате глубоких исследований пришёл к заключению, которое стало его гениальным социологическим открытием: общество как объединение многих людей именно потому, что оно неизбежно является объединением и совместным существованием многих, в принципе не может быть идеальным, нравственно совершенным. Более того, у него тем меньше шансов стать таковым, чем более организованным и эффективным оно является, и чем прогрессивнее, выше идеалы, которыми оно руководствуется.

2. Зиновьев говорил, что человек есть на всё способная тварь. Это была его конкретизация известного определения человека как живого существа, обладающего разумом, то есть свободного в своем поведении, регулировании животных форм своей жизни. Это означало, что поскольку человек есть еще социальное (стадное, стадное) существо и находится всегда в форме объединений (человейников), постольку он, будучи свободным индивидом, способен реализовать (откликнуться, пойти навстречу, принять) все функции (роли), кото-

рые ему объективно предписаны логикой выживания и развития конкретных социумов, как, впрочем, и противостоять им. Само существование разумных (свободных, креативных) индивидов в форме больших объединений, которые могут функционировать только по строго заданным объективным схемам, неизбежно порождает разрыв между идеальными устремлениями индивидов и реально предписанными им социальными функциями и ролями. Само сочетание, единство двух определений человека как разумного и одновременно общественного существа задает, объективно обрекает его на внутренне разорванный способ бытия. «Реальная жизнь человечества была, есть и останется вечно борьбой между людьми, их объединениями, народами, странами, группами стран. Какой бы прогресс человечества ни происходил и какие бы меры люди ни изобретали, эта борьба не исчезает, она лишь принимает новые формы. От нее не могут избавиться никакие строгости и никакое насилие, ибо сами эти строгости и насилие суть формы социальной борьбы. Дружественные объединения, забота о ближнем, взаимная выручка и помощь и т.п., являясь средствами ограничения всеобщей вражды и борьбы, в не меньшей мере являются средствами усилить свои позиции в социальной борьбе. Более того, эта борьба между людьми, их различными категориями и объединениями в известных формах и масштабах есть условие существования и прогресса человеков» [4, 274]. Это – не единственное, но, пожалуй, основное положение социологии Зиновьева, в силу которого социальная организация общества всегда будет разновидностью человека, обреченным на болезненный разрыв идеала и реальности. Общество, какого бы уровня оно ни достигло, в принципе не может быть морально совершенным. И тот фактический вид, который приобрели коммунистические идеи в Советском Союзе, суть то, чем коммунизм только и мог стать на деле, реально.

3. Реальный коммунизм в форме советского государства, который Зиновьев тщательно исследовал и беспощадно критиковал, не был ошибкой, сбоем, «мутацией» истории, он представлял собой и успешно развивал определенную, а именно, коммунальную, линию эволюционного развития. В логической социологии Зиновьева выделяются несколько аспектов (факторов), базовыми среди них являются два: деловой и коммунальный (к ним он также добавлял третий – менталитетный). Деловой аспект акцентирует внимание на эффективности, на объективных результатах кооперированной деятельности, коммунальный – на взаимоотношениях, сотрудничестве людей в процессе совместной деятельности. Особенность реального коммунизма заключалась в опоре на силу коммунальности. Плюс к тому, коммунизм как социальная система, считал он, был наиболее орга-

ничен России, отвечал качеству её человеческого материала, природным условиям и историческому развитию. Именно в советский период страна достигла наивысшего развития, став второй державой мира со своим собственным историческим проектом.

Западнизм есть другой тип сверхобщества, возникающий в западных капиталистических странах при сохранении ими исторически сложившихся форм национальных государств. Он представляет собой другую линию эволюционного развития, которая базируется на деловом аспекте социальных отношений. Западнистское сверхобщество возникает в противовес советскому блоку и в значительной мере консолидируется для борьбы с ним.

4. Борьба этих двух сверхобществ, представляющих две линии эволюционного развития, составляет основной сюжет исторического развития человечества во второй половине XX века, которое приобрело форму холодной войны. Сущность холодной войны не исчерпывается тем, что это была война между двумя общественными системами. «Холодная война была войной конкретных народов и стран, а не абстрактных социальных систем» [3, 515]. «Самая глубокая цель Запада в этой войне – разрушение Советского Союза и России с любым социальным строем. Коммунизм был удобным предлогом и прикрытием сути войны. Кроме того, коммунизм был настолько органичен России, настолько прочно вошёл в образ жизни и психологию русских, что разрушение коммунизма было равносильно разрушению России и русского народа как народа исторического» [3, 516]. Для Запада в своей глубинной основе холодная война была борьбой за господство на планете, за расширение зоны колониального освоения и утверждения своих ценностей. Его победа в холодной войне резко изменила ход и перспективы социального развития человечества. Кроме того, поражение реального коммунизма и разрушение советского государства, помимо объективных общеисторических следствий для всего человечества, Зиновьев считал величайшей опасностью для своего народа, России, а вместе с тем и личной трагедией.

После гибели советского коммунизма изменилась диспозиция (угол зрения, точка обзора) Зиновьева по отношению к нему, но не само отношение. Ошибаются те, кто полагает, будто Зиновьев стал апологетом советского строя. Как и те, кто думает, будто своей критикой западнизма он стал антизападником. Критиковать советский коммунизм – не значит отрицать его и желать уничтожить; критиковать и быть, принадлежать – не одно и то же. Точно также критиковать Запад и западнизм – не означает отрицать их достижения, напротив, они исключительны и благодаря им Запад достиг уровня, претендующего на то, чтобы господствовать в мире. Считать победу

западнизма в холодной войне катастрофой для всего человечества – не значит думать, будто победа советского коммунизма (советского блока) и его распространение на весь мир были бы лучше (у него есть замечание, что это могло бы обернуться еще худшими результатами). Катастрофой для человечества стала сама возникшая опасность безальтернативности общественного развития, которая открывает дорогу будущему, названному им «глобальным человеиком».

II

5. Относительно социальных перспектив и исторических возможностей остаточного образования Советского Союза в форме вновь учрежденной Российской Федерации у Зиновьева никогда не было иллюзий. Это было, по его мнению, исторической катастрофой: крахом системы, поражением страны с потерей и деградацией общества и народа по всем линиям. Из сарая с теми же средствами и силами, говорил он, нельзя построить ничего иного, как такой же сарай, только хуже. Политические события 19-22 августа 1991 года – 3-4 октября 1993 годов он рассматривал как единый процесс контрреволюционного переворота по отношению к Октябрьской революции 1917 года. Ельцинское десятилетие он рассматривал как полу-оккупированный режим, называл его «колониальной демократией». С появлением В.В. Путина он внимательно присматривался к его первоначальным действиям. Его неожиданное появление на вершине российской власти, сама эта неожиданность, в особенности первые немногословные решительные шаги ему показались лучом надежды. Даже однажды в разговоре он высказался в том духе, что, по всему похоже, Вашингтон «прозевал» Путина. Зиновьев, однако, не поддавался надеждам и предположениям, искал строгие научные подходы к новой российской реальности, имея в виду, прежде всего, её внутреннее строение. Исследование вновь складывающегося российского социума он вёл в процессе активного участия и публицистической деятельности на стороне левых политических сил, его итоги разбросаны в многочисленных статьях, интервью, лекциях, выступлениях последних пятнадцати лет, которые еще нуждаются в кропотливом изучении. Достаточно определенно можно сказать, что Зиновьев вскрыл общие тенденции и социологическую конструкцию складывающегося российского социума. Он сформулировал их, в частности, в интервью, которое вышло в газете «Московская правда» под названием «Александр Зиновьев: «Наше государство – рогатый заяц» [1], статье «Солома для утопающих» [2], а также в итоговой монографии «Фактор понимания» [4].

6. Социальная организация, которая сложилась в России, с точки зрения Зиновьева, имеет гибридный характер. Она сложилась из трех разнородных и сложно переплетенных между собой частей (компонентов): а) реальных обломков советской системы, будь то люди, вещи, управленческие схемы, аппарат насилия, памятники и т.п.; б) подражания Западу, но не фактическому в своих действенных механизмах, а вымышленному, созданному воображением советских людей относительно Запада; в) реанимации дореволюционной России, не самой, конечно, дореволюционной России, которая давно и окончательно канула в Лету, а её призраков, того, что из неё осталось в памяти, в ностальгических следах человеческих и культурных осколков той эпохи. Обломки реального коммунизма сохраняются не только потому, что освободиться от них, пронизывавших всю повседневную жизнь, ткань общественных отношений, не так легко, ибо требует и времени, и усилий, пусть и не таких огромных, которые понадобились для сооружения советского колосса, но, тем не менее, в какой-то мере сопоставимых с ними. Это происходит ещё и сознательно для того, чтобы поддерживать иллюзию продолжения привычной нормальности, создать впечатление, будто речь идет только об очищении от ужасов и жестокостей большевизма, и в то же время пользоваться накопленными культурными и научными достижениями советского строя. Влияние Запада обнаруживается, прежде всего, в заимствовании показной (витринной) части её демократии, призванной прикрыть, затушевать, примирить с новой реальностью, в которой оказалась страна: «заставить россиян примириться с теми последствиями, к которым привёл антикоммунистический переворот, уйти от постановки и тем более решения действительно важных жизненных проблем, уговорить жертвы реформ быть послушными, не конфликтовать друг с другом и с властями, сделать вид, будто всё случившееся было неизбежно и пошло на благо страны и народа, уйти от ответственности за исторические глупости и преступления, имитировать начало эпохи подъема и движения к процветанию» [2, 282]. Влияние третьего элемента, связанного с реанимацией дореволюционной России, считает Зиновьев, более всего обнаруживается в оживлении идеологии российского фундаментализма. «Одно из самых страшных (если не самое страшное) последствий антикоммунистического переворота в горбачёвско-ельцинские годы – идеологическая деградация России. Из самой просвещенной страны с самым высоким уровнем гражданской (нерелигиозной) идеологии Россия в поразительно малый (с исторической точки зрения) срок превратилась в страну идеологического беспредела и религиозного умопомрачения, сопоставимого с таковым исламских стран» [2, 284].

7. Для нового общества, как заметил Зиновьев, не существует общепринятого социологического обозначения. Надо заметить, такого обозначения нет и сегодня. Сам Зиновьев условно называл его «постсоветизмом». Этим обозначением он подчеркивал не только тот очевидный факт, что новая организация российского общества складывается вслед (после) советской (реально-коммунистической) системы, но и более существенную её характеристику, а именно – идеологически нацеленную антикоммунистическую направленность. Постсоветизм, пожалуй, до настоящего времени остается наиболее содержательным и употребимым обозначением российского социума наших дней.

Постсоветизм – это не смешение различных элементов, сваленных в кучу, а новое их соединение, которое образует самостоятельную социальную организацию с компонентами, отличающимися от своих реальных источников. В целом, система власти тяготеет к советскому образцу, хотя и здесь появляются элементы западнизма. Экономика пытается копировать западные образцы, но постоянно срывается на проявления командной экономики. В сфере идеологии происходит реанимация российского фундаментализма, который скорее конструируется заново и плохо согласуется с основным массивом культуры. Хотя гибрид антисоветизма как эмпирическое явление представляет собой нечто единое, он лишен внутренней целостности, он противоречит двум объективным законам – закону соответствия социальной организации человеческому материалу страны, ее историческому наследию, природным и геополитическим условиям, и закону «однородности компонентов социальной организации» [4, 428].

8. Отвечая на вопрос о том, каким станет этот гибрид в целом с точки зрения отношения между компонентами социальной организации, Зиновьев предположил, что он будет двигаться в границах между советизированным западнизмом и западнизированным советизмом. Тогда, в начале нулевых годов, он его характеризовал как западнизированный советизм. Однако, в каком бы направлении ни изменялся постсоветизм, следует учесть, что он имеет имитационный, вторичный характер, лишен подлинности. Выделяя западнизм и советизм как такие элементы, взаимодействие между которыми определяет основную направленность российского социума, и обозначая западнизированный советизм как наиболее вероятное такое направление, Зиновьев исходил из ситуации начала двухтысячных годов. Следуя ходу мысли Зиновьева, вполне логично предположить, что в сегодняшней ситуации существенно изменилась сама архитектура этой трехчастной конструкции, и теперь основное направление соци-

альной организации определяется взаимодействием советизма (он всё-таки остаётся базовым) уже не с западнизмом, а с российским фундаментализмом. И основное реально складывающееся направление (вектор) социума можно было бы назвать традиционно-ориентированным (руссинизированным) советизмом. Впрочем, это не более, чем предположение, ибо предугадать ход мысли Зиновьева невозможно, она всегда была неожиданной и никогда не шла по привычной (наиболее вероятной) линии. Вполне допускаю, что сегодняшнюю ситуацию он мог бы, вопреки всем очевидностям, охарактеризовать как акцентированный западнизированный советизм.

Насколько прочна и жизнеспособна такая гибридная конструкция? С точки зрения самовывживания и продолжительности существования она может быть устойчивой. Физическое уродство не обязательно ведёт к сокращению жизни. Точно также социальное уродство при благоприятных условиях может существовать неопределенно долго. «А с точки зрения возрождения и процветания России? На этот счет строить какие-то иллюзии было бы, по меньшей мере, наивно» [4, 430]. Как физический урод, как бы долго он ни жил, красавцем не станет, так и уродливо-гибридная социальная конструкция, каким бы её век ни был, не может стать процветающим обществом. Соединение трех обозначенных компонентов в рамках одной конструкции, говорил Зиновьев, приведёт к тому же эффекту, «как если бы у деревенской телеги заменить колеса на гусеницы и поставить турбореактивный двигатель» [1, 4]. Как социолог-исследователь Зиновьев в отношении будущего сложившейся социальной организации общества оставался безнадежным пессимистом, но как человек и философ он сохранял надежду. В его самых последних суждениях на эту тему возникает понятие «эволюционного чуда». Он связывал его с появлением нового человека. Да, он надеялся на чудо, не имея для этого никаких оснований и аргументов. На мой взгляд, эту веру в чудо нового человека и в то, что это будет русский человек, в устах социолога Зиновьева нельзя полностью выносить за рамки его социологии и рассматривать только как факт его личной биографии, рассматривая её, например, как веру религиозного человека в свое посмертное воскрешение в день страшного суда. Социологические идеи Зиновьева опирались, разумеется, на объективный анализ и строго выверенные эмпирические доказательства, но они непосредственно в его трудах не всегда формулировались как суммирующий результат, часто они выступали как озарение, прямое обобщение некоего единичного факта. Он формулировал их с такой степенью уверенности, словно он не пришёл к ним в результате долгих расчётов, а непосредственно увидел их. Эта вера в русское эволюционное чу-

до, возможно, явилась такого рода социологическим видением. Она никак не вытекает из его анализа исторической обреченности сложившегося гибридного социума, но тем не менее, связана с этим анализом – является выражением абсолютной неприемлемости его результата и готовности противостоять ему.

Список литературы

1. *Зиновьев А.А.* Александр Зиновьев: наше государство – «Рогатый заяц» // С философом Александром Зиновьевым беседует публицист Николай Гульбинский (август 2002 года) // «Московская правда», 2002, № 174. С. 3-4.
2. *Зиновьев А.А.* Солома для утопающих // Феномен Зиновьева. Составители: А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. М.: Изд-во «Современные тетради». С.273-281.
3. *Зиновьев А.А.* Исповедь Отщепенца. М.: Вагриус, 2005. 554 с.
4. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм, 2006
5. Указ Президента Российской Федерации от 01.10.2021 № 564 «О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения А.А.Зиновьева». URL: // <http://actual.pravo.gov.ru/text.html#pnum=0001202110010031>